

Секция 1 ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

10 июня 2022 г. Конференц-зал «Стасов/Ушаков» (гостиница «Рэдиссон Royal»)

Руководители секции:

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ	министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
П. Н. ГУСЕВ	главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Комиссии Общественной палаты РФ по поддержке средств массовой информации, председатель Союза журналистов Москвы
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ
С. И. КИСЛЯК	первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в США (2008–2017)

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН, член Президиума, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Д. О. БАБИЧ	журналист, обозреватель агентства «РИА Новости»
И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Э. КЕВИН	почетный профессор Австралийского национального университета (Канберра), дипломат (1968–1998), независимый эксперт, лауреат литературных премий
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
В. Н. ПУНЧЕНКО	заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск)
Л. Л. ФИТУНИ	заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
С. А. ЦЫПЛЯЕВ	главный редактор общенационального научно-политического журнала «Власть», кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике

В. А. ЧЕРЕШНЕВ

главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

В. А. ШАМАХОВ

научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Секцию ведут академик РАН Сергей Юрьевич Глазьев и депутат Госдумы РФ Константин Федорович Затулин.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я сделаю несколько вводных замечаний, чтобы акцентировать особенности перехода к реальной многополярности.

Переход к многополярности и интегральному мирохозяйственному укладу предполагает восстановление национального суверенитета, потому что на него опирается международное право. Принципиальное отличие интегрального уклада от имперского заключается в том, что при нем не будет центра, навязывающего остальным правила игры. Разумеется, ядро существовать будет, а конкуренция в основном сосредоточится между Индией и Китаем.

Главным направлением международного сотрудничества становятся сочетание конкурентных преимуществ и создание условий для совместных инвестиций, производств и инфраструктурных проектов. Давление на других игроков с тем, чтобы все они совершали одинаковые действия, например занимались либерализацией валютного регулирования, не оказывается. Допускается вариативность систем регулирования экономики, включая валютные ограничения. Одновременно формируются региональные объединения — от достаточно аморфных структур типа МЕРКОСУР до бюрократической империи, как я называю Европейский союз.

Евросоюз, для которого характерна очень жесткая система управления, в какой-то мере можно назвать порождением предыдущего имперского мирохозяйственного уклада. В отличие от этого объединения, Евразийскому экономическому союзу свойственна гибкость. Будучи министром по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), могу сказать, что за последние 10 лет мы приняли более 5 тыс. решений, и по всем из них был найден консенсус.

Пожалуй, наиболее масштабное взаимодействие Евразийского экономического союза разворачивается в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Это пример сотрудничества в новом мирохозяйственном укладе: соблюдаются принципы взаимовыгодности и уважения суверенитета партнеров, их усилия концентрируются вокруг совместных инвестиций и ни один из них не навязывает своих условий другим.

Международное право в рамках нового мирохозяйственного уклада будет, очевидно, более обширным. В частности, ЕЭК продвигает идею новой мировой расчетной валюты, основу которой образуют две составляющие: корзина национальных валют и корзина биржевых товаров. Ни одна из стран не должна иметь возможность приватизировать мировую валюту.

Разумеется, сохраняются принципы международного права в мировой торговле. Кроме того, очевидно, что не-

обходимо заключать международную конвенцию по кибербезопасности. США выступают против такой инициативы, и понятно почему: они лидеры кибертерроризма. Также необходимо добиться заключения конвенции по биобезопасности и определить меры, которые бы принуждали государства, прежде всего США, соблюдать ее нормы. Это позволит предотвратить появление мирового электронного концлагеря под эгидой Всемирной организации здравоохранения или других структур.

Чтобы выйти из гибридной войны, необходима международная коалиция. Создание такой коалиции, думаю, можно начинать с Азии. Мы работаем над реализацией идеи президента России по формированию Большого евразийского партнерства, которое могло бы стать прообразом нового мирохозяйственного уклада. Оно воплощает принцип интеграции интеграций, поскольку задействуется не только Евразийский экономический союз, но и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), региональное партнерство АСЕАН — Китай.

Таким образом, установление взаимовыгодных экономических отношений на основе надежной правовой базы — важнейшая задача, которую нужно решить для выхода из мировой гибридной войны. Агрессор должен понимать, что ему может быть нанесен непоправимый ущерб. Отказ от использования доллара и евро повлечет за собой именно такой ущерб — это разрушит гигантские валютно-финансовые пирамиды, которые сегодня нависли над мировой экономикой.

Конечно, согласовать интересы игроков на мировой арене очень сложно. Однако Россия сегодня больше других стран заинтересована в инициировании такого рода крупномасштабных предложений по реформированию международной экономической и политической системы. Предлагаю участникам секции обсудить этот и другие вопросы.

М. В. ЗАХАРОВА: — Выступая недавно на Всемирном экономическом форуме в Давосе, канцлер ФРГ Олаф Шольц заявил (прямая цитата): «Когда мы осознаем, что наш мир становится многополярным, это должно подтолкнуть нас к еще большей многосторонности, к еще большему международному сотрудничеству».

По сути, об этом же в России говорили на протяжении примерно 20 лет. Один из самых ранних тезисов о многополярности принадлежит Е. М. Примакову: его идеология нашла отражение в Концепции внешней политики России 2000 года. И вдруг 22 года спустя Олаф Шольц объявляет, что мы живем в новом многополярном мире.

Это говорит прежде всего о том, что к западу от Москвы нас не слышали, не принимали наши слова всерьез. Однако при этом идея многополярности прорабатывалась — не из-за цитат российских политиков или их концепций, а просто в силу объективной реальности. Однако США и их союзники продолжают питать иллюзию об

однополярной модели мироустройства с единственным центром принятия решений в Вашингтоне. Задача понятия — любой ценой не допустить потери собственной гегемонии, пусть даже на словах. Мы понимаем, что формирование действительности может начаться в виртуальной реальности.

Конечно, для сохранения подобной виртуальной монополярности и ее насаждения в формате Realpolitik Запад применяет широкий набор инструментов — от санкций всех видов до прямого силового давления.

Почему сейчас Запад начал инкорпорировать слово «многополярность», хотя ясно, что уверенность западных стран в собственной исключительности отрицает саму суть этого понятия? Потому что он будет создавать собственную многополярность, и уже приступил к этому.

Конечно, главным полюсом западной многополярности США видят себя. Место естественного спутника главного полюса отводится Европейскому союзу. Остальные полюсы лидеры будут формировать, не признавая никого из уже существующих кандидатов на эту роль — ШОС, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), африканские государства и т. д.

Есть устойчивое понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион», которое не требует дополнительных обоснований и разъяснений. Чтобы продвинуть идею новых полюсов, Запад отказывается от термина АТР и внедряет понятие «Индо-Тихоокеанский регион». Мы наблюдаем слом существующего восприятия и насаждение нового, замену естественного полюса искусственным.

В заключение хотела бы обозначить два кризиса. Первый — кризис либерализма. Либерализм, конечно, полностью отошел от истинных и глубинных понятий, которые изначально составляли его идею, и сейчас можно говорить о тоталитарном либерализме. Второй — кризис права. Система международных организаций не выполняет своих функций, принципы, прописанные в основополагающих конвенциях, не применяются на практике. Возможно, право подошло к тупику развития. Отсюда вытекает множество сопутствующих проблем.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется Энтони Кевину из Австралийского национального университета.

Э. КЕВИН: — Два дня назад я встретился с Е. Д. Григорьевым, председателем Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. У нас состоялась отличная, очень масштабная по охвату тем беседа, и я сказал, что Восток и Запад находятся в состоянии разрыва связей. Думаю, русское слово «развод» описывает ситуацию очень точно. В результате влияние Запада ослабевает, а влияние остального мира — усиливается, и Россия играет в этом процессе очень важную роль.

Я был послом Австралии в Польше, Чехии, Словакии, Камбодже. По всем нормам и традициям я должен быть в своей стране уважаемым государственным мужем в летах. Но это совершенно не так: в Австралии у меня нет права голоса. Все, что я пишу, отправляется в стол, меня не приглашают на заседания Австралийской радиовещательной корпорации — в общем, меня благополучно отменили.

На русское сообщество в Австралии обрушилась лавина ложной информации о специальной операции на Украине, и внутри него сложилась очень напряженная ситуация. Я изучал войну с помощью всех открытых источников обеих сторон и, будучи опытным дипломатом с богатым прошлым, заявляю, что операция необходима.

Я считаю, что она обостряет тенденции, угрожавшие России с 1991 года, и с невероятной ясностью демонстрирует, что само существование страны подверглось риску. Я патриот Австралии и всегда верил в важность и необходимость политики разрядки, в нормализацию отношений между Востоком и Западом. Теперь это вряд ли будет возможно — уж точно не на моем веку.

Россия должна оставаться сильной в эту эпоху испытаний. Вчера мы стали свидетелями свободного высказывания разнообразных, противоречивых идей. В Австралии в нынешние времена такой дискуссии не получилось бы. К сожалению, мы — очень небольшой и покорный участник разведывательного альянса «Пять глаз», но в Австралии есть и другие голоса. Нас немного, но мы существуем.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Господин Кевин, мы вас приветствуем как узника совести. Сейчас я хочу предоставить слово дипломату Сергею Ивановичу Кисляку.

С. И. КИСЛЯК: — Нам действительно нужно всерьез задуматься о том, что же мы подразумеваем под реальной многополярностью или полицентричностью. Люди уже не размышляют, что именно стоит за этим термином и как этого добиться. А добиться на самом деле непросто.

Я готов подписаться под каждым пунктом изложенного Сергеем Юрьевичем. Проблема заключается в том, как достичь полицентричности, ведь мы живем в таком мире, где сопротивление этой цели будет самым жестким. К тому же нельзя забывать, что сил у наших оппонентов по-прежнему немало.

Говоря о нашем основном оппоненте — американцах, хотел бы отметить особенность их мышления: США считают, что обязаны обеспечить свое лидерство во всех сферах жизни в мире. Слово «лидерство» в американском языке (не английском, а именно американском) понимается как «естественное управление». Объяснение этому тоже формулируется чисто по-американски: если американцы не обеспечат свое лидерство, лидером станет кто-то другой. То есть в американском политическом мышлении не существует самой идеи полицентричности в нашем ее понимании как консенсусного концерта государств.

Конечно, они прекрасно понимают, что есть объективная реальность и полицентричность вызывает вне зависимости от того, что о ней говорят. Поэтому представители администрации Байдена прилагают особенно заметные усилия для продвижения американского лидерства. Их логика такова: если вырисовываются другие центры влияния, то необходимо этот процесс брать под контроль и ставить во главу потенциальных центров нужных лиц. При этом следует опираться на союзников, которых подбирают в каждом регионе исходя из ситуации в нем. Естественно, также нужен противник, в борьбе с которым объединяются все действующие лица. В итоге, строго говоря, полицентричность как концепция будущего мироустройства США не отвергается, но их понимание полицентричности ничего общего с нашим не имеет. События на Украине, которые нам, по сути, навязали, и происходящее вокруг них — яркий пример того, что США будут использовать объективно существующие в мире проблемы, чтобы строить полицентричность под собственным руководством.

Возвращаясь к идеям Сергея Юрьевича, я задумываюсь, как их осуществить. Вместе с кем мы можем работать над созданием нового мира? Объективная реальность такова, что сейчас нам наиболее близок Европейский союз. Однако России также нужны союзники, которые способны серьезно влиять на формирование мировой си-

стемы. Сегодня среди таких стран в первую очередь можно назвать Китай и Индию.

Что касается Китая, то сразу возникает ключевой вопрос: а нужны ли перемены ему? Китайцы вряд ли с легкостью откажутся от системы, которую они сумели наладить под себя и где они уже чувствуют себя комфортно.

Маленький, но показательный пример. Появилось сообщение о том, что компания Huawei не будет поставлять оборудование для связи в Российскую Федерацию. Скорее всего, на китайцев надавили американцы. Случившееся наталкивает на мысль, что Китай не будет стремиться к поиску новых способов экономического взаимодействия с Россией, а продолжит исходить из того, какие возможности у него остаются в системе, где он преуспел.

Население Индии растет очень бурно, и даже только за счет него эта страна имеет все шансы в ближайшем будущем стать одной из самых могучих экономических держав наряду с Китаем. Вчера я приводил прогноз Международного валютного фонда, согласно которому к середине века индийская экономика на 10–15 % обойдет американскую. На мой взгляд, индийцы не смогут стать партнерами России в той мере, в какой ей это необходимо для выстраивания единой системы полицентричности на основе справедливых и разумных с ее точки зрения принципов.

Последнее, на чем я хотел бы сейчас остановиться, — международное право. Оно подвергается серьезному давлению. Многие страны придерживаются принципа, что право — это инструмент защиты слабых, и им оно необходимо больше, чем сильным, поэтому последние развивать и укреплять право, как и придерживаться его норм, необязательно.

Возврат к пониманию того, что международное право нужно рассматривать как доминирующий инструмент при построении любых схем полицентричности, должен оставаться одним из центральных элементов нашей внешней политики, в каких бы измерениях мы ее ни проводили — в сотрудничестве с близким нам ЕС или в борьбе на международных площадках.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Предоставляю слово директору Института Европы РАН Алексею Анатольевичу Громько.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Попробуем представить себе 2050 год. Кто чуть менее чем через 30 лет войдет в десятку стран мира по ВВП с учетом паритета покупательной способности? По итогам 2021 года Россия находилась по этому показателю на шестом месте. Я предположу, в 2050 году в первой пятёрке с большой долей вероятности окажутся такие центры силы, как Китай, США, Япония, Индия и, возможно, Германия. С Россией за позицию в первой десятке будут серьезно конкурировать Бразилия, Южная Корея, Турция, Мексика, Индонезия. Обращаю внимание на то, что к 2050 году из европейских стран (в Европе это, кстати, очень хорошо понимают) только Германия сможет претендовать на место в десятке самых крупных экономик мира. Там, скорее всего, не окажется ни Великобритании, ни Франции, не говоря уже о малых странах. Для России такое развитие событий станет вызовом. И ее положение будет зависеть не от действий других стран, а от внутренней ситуации, в первую очередь в социально-экономической сфере.

Я считаю, что те явления, которые примерно с 2020 года казались новыми (возникновение напряжения между коллективным Западом и Россией, США и Китаем), были продолжением крупных тенденций и событий, наблюдавшихся еще в 1980-е и особенно в 1990-е годы. Не быва-

ет ничего случайного или непредсказуемого. Закон взлета и падения великих держав, который работал на протяжении многих столетий, будет действовать и в XXI веке.

Как себя вести в таком нестабильном и опасном мире? Скорее всего, верная стратегия состоит в том, чтобы не бросаться из крайности в крайность, а стараться хеджировать риски, доводить до возможного максимума внутреннюю стрессоустойчивость, искать во всем баланс и исходить по возможности не из идеологем, а из здравого смысла.

В этом контексте я хочу коснуться вопроса о суверенитете. Понятно, что суверенитет, как и свобода, абсолютным не бывает. Если общество открывается внешнему миру, то, естественно, встает вопрос и об уязвимости перед внешними конкурентами. Насколько закрытыми или открытыми надо быть? Следует ли превращать импортозамещение в воссоздание нашей жизни только во внутреннем контуре? Очень важно понимать, что XXI век, как и XX, будет веком государств-наций, и институт национального государства по-прежнему останется фундаментом тех механизмов, с помощью которых будут решаться вопросы глобального управления и регулирования и определяться развитие региональных структур.

Ни один центр силы не может самостоятельно решать вопросы, касающиеся его национальных интересов. Здесь вступает в силу представление об объединениях — региональных или трансрегиональных, — с помощью которых, как с помощью мультипликатора, государство (или государства), ставшее ядром союза, может добиваться желаемого и формировать мир по удобным для него правилам.

В этом смысле прекрасными примерами выступают Франция и Германия, которые вокруг себя смогли собрать Евросоюз, представляющий собой самую крупную экономику на планете. Видимо, это и будет основной инструмент их работы во благо себе и союзникам в XXI веке.

Хотя сейчас развитие Китая идет по нарастающей, он не сможет существовать сам по себе. Именно по этой причине Китай системно создает целый механизм, с помощью которого десятки других стран могут помочь ему стать самым крупным центром силы.

Наконец, Россия. У нашей страны тоже есть потенциальные мультипликаторы. Ими способны стать Союзное государство, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, а также БРИКС, ШОС, ОПЕК+ и АСЕАН+.

Несколько завершающих замечаний. Первое: на мой взгляд, полностью уходит в прошлое неолиберальная модель глобализации. Второе: безусловно, мы уже живем в полицентричном мире, но пока не понимаем, как он будет развиваться. Это может быть как полицентризм, действующий по закону джунглей, так и полицентризм, где государства уважают друг друга. Третье: происходит стратегическая расстыковка между США и Европой, хотя сейчас она и затушевывается их консолидацией вокруг событий на Украине. Также абсолютно ясно, что США держат курс на развязывание новой холодной войны с Китаем.

И последнее. Можно ли утверждать, что мы видим формирование новой биполярности? Распространено мнение, что США и Китай — это новые центры мировой силы, к которым будут примыкать остальные страны. Я считаю, что, скорее всего, мы имеем дело с ловушкой аналитики, потому что полицентричный мир не может быть одновременно миром новой биполярности. Не представляю, как в новой биполярности найдется место России, Индии и иным странам, которых такая система сделает ведомыми и уж точно лишит возможности формировать мир вокруг себя по правилам, выгодным им, а не другим.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Предоставляю слово академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — Хочу оттолкнуться от того, что сказал Алексей Анатольевич Громыко. Мне кажется, нам не нужно сейчас увлекаться прогнозами. Будет ли Россия на пятом, шестом или восьмом месте, гражданам страны по большому счету все равно. Им важны достаточный уровень комфорта существования, соблюдение тех норм жизни и ценностей, к которым привыкло наше общество.

Однако коль скоро затронут вопрос ранжирования, нам, пожалуй, нужно говорить о том, где будут государства, которые в первую очередь входят в орбиту нашего влияния — страны Южного Кавказа, Центральной Азии и некоторые другие. В этих регионах наблюдается целый ряд тревожных тенденций, которым мы иногда не уделяем должного внимания.

Также нужно сказать о том, что, на мой взгляд, среди наших национальных приоритетов должно быть повышение международной привлекательности России и в экономической, и в политической, и в культурной сфере. Конечно, санкции нас несколько отбрасывают назад. Однако я считаю, что мы справимся с их последствиями, и сфокусироваться нужно прежде всего на другой проблеме. Это проблема взаимодействия с соседними странами, в том числе восточными, на которых я сделал акцент, упомянув Центральную Азию и Южный Кавказ. Безусловно, отношения России с исламским миром, наряду с российско-китайскими отношениями, — ключевое направление внешней политики, которое требует особого внимания.

С Китаем у нас не всегда совпадают интересы, и следует привыкать к некоторой асимметричности в отношениях с ним, особенно с учетом того, что он, как крупный поставщик товаров и услуг, является для нас особо значимым партнером. В целом на Китай можно положиться. Однако нужно держать ухо востро, чего, мне кажется, нам иногда не хватает.

Везде, так же как в СНГ, есть лоббисты интересов других государств мира, и понимать, чего они хотят и как будут использовать желаемое, в том числе в своей внутриполитической борьбе, очень важно. Алексей Анатольевич верно заметил, что России нужна определенная перестраховка, хеджирование рисков. Я бы сказал, что скорее речь идет именно о перестраховке и о том, чтобы наши партнеры, в первую очередь на Востоке, были уверены: работа с Россией не нанесет ущерба их национальным интересам. Такие опасения есть и у представителей стран СНГ, хотя чаще всего они ими делятся в приватных беседах.

Вчера уже затрагивалась проблема защиты окружающей среды. Сейчас она еще более обострилась. С учетом огромной площади нашей страны мы можем чувствовать себя более уверенно, чем остальные: одну часть государства бедствие затронет, но прочие, вероятно, останутся невредимыми. В то же время должна существовать продуманная стратегия отношений со средой, составленная с учетом видения ситуации в целом. Экологический конфликт влечет за собой разного рода болезни, и, полагая, нужно ожидать возникновения новых пандемий и эпидемий.

Пока на Чтениях никто не говорил о проблемах, связанных с космосом. Между тем наши противники активно обвиняют Россию в его загрязнении. Здесь тоже ведется идеологическая война, в которой мы, по-моему, уступаем.

К сожалению, утратила значение идея «русского мира». Мы, честно сказать, ленимся ее продвигать. Нужно

апеллировать к нашей общей истории — общей со странами не только СНГ, но и Восточной Европы. Я вчера уже отмечал, как эффективно работают связанные с ней смыслы. Скажем, в разных государствах есть люди, которые дорожат наследием победителей во Второй мировой войне, — это и их война, и, разумеется, наша тоже. Следует это использовать.

Подчеркну: в рамках полицентричной системы нужно создавать альянсы, искать союзников. С одной стороны, безусловно, движение мира к полицентричности ослабляет Запад в противодействии не-Западу. С другой стороны, полицентричность несет в себе и угрозы. Достаточно привести в пример не всегда простые отношения России и Турции.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Коллеги, хочу задать вам (прежде всего тем, кто уже высказался) два вопроса. Не существует ли риска, что полицентричность станет войной всех против всех? На второй вопрос меня натолкнули слова Виталия Вячеславовича. Когда мы говорим о своих союзниках, обычно имеем в виду бывшие республики СССР. В самом ли деле эти государства — наши друзья или они скрытые, полускрытые и явные противники нашего усиления?

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Я, как представитель одной из бывших советских республик, отвечая на вопрос о предпочтительности полицентричности или однополярности, хочу сказать, что если бы мы доминировали, то однозначно отстаивали бы однополярность. В дальнейшем было бы принято решение о делегировании полномочий и пр.

Если подняться на более высокий уровень обобщений, то следует ответить на вопрос: что важнее — духовное или материальное? Виталий Вячеславович Наумкин высказал мысль о необходимости продвижения идеи «русского мира», моментов, связанных с нашей общей историей, и пр. Важна не только экономика, но и цель, понимание того, куда мы идем и за что боремся.

Сегодня, в очень сложный период, можно говорить о том, что наших противников, а если называть прямо — врагов, купили, то есть за деньги вовлекли в однополярный поток. Но это не столько покупка, сколько создание условий, при которых они поверили в стратегию и идеологию, позволяющую двигаться в невыгодном для нас сегодня русле.

Необходимо формулировать стратегии и размышлять о том, куда мы движемся. Лобовая реклама, новостной блок, стремление говорить с позиции сильного, когда один доминирует, а остальные внимают, — это технологии прошлого века. Пиар воздействует на бессознательное, поэтому должен стать неотъемлемой частью нашей работы. Необходимо переключиться на ценности и идеалы и говорить о том, что мы понимаем под ними, и вообще артикулировать нашу деятельность.

Резюмируя, хочу сказать, что поиск стратегии развития и определение ценностей, которые должны нас консолидировать, лежат в основе ответа на поставленный вопрос о полицентричности и однополярности. Мы выступаем за многополярность, общие ценности, но должны понимать, куда пойдем, возможно даже под совместным флагом.

М. В. ЗАХАРОВА: — Создается впечатление, как будто без понимания того, что будет с нами завтра, мы не можем никуда двигаться. Мы считаем себя самыми умными, поэтому должны знать, куда в итоге придем. Наша жизнь напоминает движение поезда по заданному маршруту. Но

мы же не поезд, а люди, следующие принципам, то есть традиционным ценностям, которые закреплены в основополагающих документах. Они очевидны и просты, в них заключена философская, идеологическая база, создававшаяся тысячелетиями. Это государство, в основе которого — семья, состоящая из мужчины и женщины, рождающая девочек и мальчиков, а не особой среднего рода. Мы определили форму организации общества (от начальной ячейки до вышей) и закрепили ее в основополагающих документах.

Я согласна с Игорем Ивановичем в том, что нужно доносить до людей идеи, используя простые слова. Все можно разложить по полочкам, как в песне «С чего начинается Родина». Но мы считаем, что в нашем высоком обществе не следует рассуждать о таких банальных вещах.

Сергей Иванович упомянул о том, что Huawei не будет поставлять оборудование для связи в Российскую Федерацию, потому что на них надавили американцы. Но это, скорее всего, не совсем так, потому что нам доступны только открытые данные, но есть и закрытые.

Считаю, что работать надо со всеми сторонами по любым вопросам. Пример — несмотря на множество разногласий, США направили в Венесуэлу делегацию, которая встретила с представителями правительства Николаса Мадуро. И России необходимо поступать так же.

Как на протяжении 20 лет развивались отношения России с Китаем? Наша элита клеймила это направление. Поэтому в Китае практически нет корпунктов российских СМИ. Такое же отношение Россия проявляет к другим частям света: ноль внимания к Африке и Азии в медийном плане и на внешнем контуре, и внутри.

Чтобы сделать китайское направление привлекательным, надо увеличить финансирование и подключить маркетинг. А мы задействуем гамбургский порт как важнейший и платим за это большие деньги, несмотря на то что с Китаем у России вторая по протяженности граница и есть железная дорога. Поставляя товары по ней, мы накормили бы всю страну на этом направлении.

Наша экономическая элита 20 лет делала все, чтобы отвлечь людей от Китая, пугая нас возвращением «челноков», которые, между прочим, в сложные 1990-е годы помогли населению выжить. Теперь «челноки» будут ходить не с сумками, а с красивыми портфелями, но во многом они повторяют тот же путь. Малому и среднему бизнесу, поставляющему в Европу продукцию и переводящему туда деньги, не давали возможности взглянуть на китайское направление прагматично.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется Сергею Юрьевичу Глазьеву.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Отвечая на вопрос Константина Федоровича, хочу сказать, что войны всех против всех не будет в силу высокой связанности международных экономических отношений, которую мы сейчас на себе почувствовали, так же как и Китай. Концепция нового мирохозяйственного уклада ориентирована прежде всего на совместное инвестиционное сотрудничество и кооперацию.

Я полностью согласен с Марией Владимировной, высказавшейся в пользу расширения сотрудничества с Азией.

М. В. ЗАХАРОВА: — На вопрос журналиста К. Ремчукова о том, не боимся ли мы, что Китай, Азия предадут Россию, я ответила, что Европа нас предавала неоднократно. Потенциально надо не только просчитывать, но и закладывать эти риски и продолжать работать.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Мария Владимировна, на эти вопросы ответил император Александр III, сказав, что у России есть только два союзника: армия и флот.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я хотел бы обратить внимание на то, что в свое время Китаю было комфортно вести дела с США, но он отрезвел после торговой войны, которую объявил Трамп. Сейчас Китай смотрит на мир совершенно по-другому и сбрасывают долларовые резервы.

Вопрос Константина Федоровича о союзниках я хочу переадресовать российской стороне. Мария Владимировна говорит о двусторонних отношениях, а в рамках ШОС уже 20 повесток формируют (можно сказать, навязывают) американцы вместе с Банком международных расчетов. Представители России из Минфина и Центрального банка визируют документы, даже не читая их. То есть нам самим нужно предлагать инициативы, особенно в ШОС, которая открыта для диалога. Китай и Индия ждут от нас инициативы, потому что у них (при огромных размерах и мощи) нет такого опыта международной деятельности, какой есть у России, но скоро они перестанут ждать.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется Сергею Ивановичу Кисляку.

С. И. КИСЛЯК: — Китай рассчитывал, что все изменится к лучшему, когда Д. Трамп перестанет быть президентом. Действительно, постепенно все смягчилось, но процесс не повернулся вспять. Объективно для построения нового миропорядка России нужны союзники. И Китай, конечно, здесь цель номер один. Я сомневаюсь в том, что наших китайских друзей привлекает идея биполярного устройства. В силу своего менталитета они не будут рисковать и пока не готовы нести ответственность за мир. Они заинтересованы в работе с нами, и Россия не должна упустить этот шанс.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — В России бытует мнение, что китайцы только и ждут случая, чтобы заполнить Сибирь. Однако Китай во все времена волновала одна проблема — как накормить большое количество людей. И поэтому агрессивность китайцев смягчается пониманием необходимости мирной жизни.

Слово предоставляется главному редактору газеты «Московский комсомолец» Павлу Николаевичу Гусеву.

П. Н. ГУСЕВ: — Мария Владимировна сказала, что в Китае практически не представлены российские СМИ. Примерно 15 лет назад я, как глава Союза журналистов России, пытался открыть в Китае ряд русскоязычных изданий. Для этого потребовалось соответствующее решение ЦК Компартии Китая и оформление большого количества документов, смысл которых не соответствовал мотивам, с которыми мы хотели прийти туда. Преодолеть барьеры, по крайней мере в тот период, было невозможно. Тогда же отказались и от соборов.

Что касается развития отношений России с Китаем, то вспоминается, как мэр Лужков категорически заявил, что Чайна-тауна и китайцев в Москве не будет.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется сотруднику Института Африки РАН Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — На вопрос Игоря Ивановича: «За что мы боремся и куда идем?» Мария Владимиров-

на ответила: «Зачем нам знать, куда мы идем». Я с огромным уважением отношусь к Марии Владимировне, но хочу поспорить с тем, что было сказано на панельной дискуссии, что идеология — это когда человеку хочется жить в своей стране. Ведь можно провести целенаправленную селекцию, например, такую, что была объявлена недавно в высшем образовании: мы формируем не творца, а потребителя. То есть можно вывести такую породу людей, которым будет удобно жить в одном обществе, но некомфортно в другом.

Говоря о «русском мире» и этике, я хотела бы сформулировать дилеммы, характерные для нашего типа этики: общее выше частного (раньше: общественное выше личного); справедливость выше закона (как известно, наша сила в правде); духовное выше материального; власть выше собственности (об этом говорила и Мария Владимировна); служение выше владения.

Эти дилеммы не навязаны российской этике, а созданы в ходе традиционного развития. Я, как представитель Института Африки, могу сказать, что эти принципы близки традиционной африканской этической системе. Подобная модель была привлекательна для стран третьего мира, и во многом именно поэтому был успешен советский проект по деколонизации Африки.

Вчера на пленарном заседании возник вопрос: почему же все-таки при наличии сильнейшей идеологии и соблюдении морального кодекса СССР распался?

Цивилизационное развитие имеет форму веретена, в котором есть нижняя часть — традиционная, верхняя часть — стратегия, цели и задачи развития, и срединная часть — бытийная, которой уделяется недостаточно внимания. Нельзя делать акцент исключительно на одну из этих частей. Сила — в балансе, золотой середине в нашей традиции или пути Дао — в восточной, евразийской, к которой мы обращаемся сейчас.

Я являюсь членом исполкома Всемирной федерации научных работников. В 1946 году Ф. Жолио-Кюри создал ее как организацию ученых, которые должны нести ответственность за судьбы мира в связи со своими открытиями. Это произошло после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. И до сих пор члены этой организации говорят о разоружении. Но в условиях сложившегося однополярного мира о нем не может идти и речи. Яркий пример — КНДР, развивающая ядерное вооружение, и Муаммар Каддафи, который отказался от ядерного проекта.

Следует упомянуть один нюанс, связанный с парадоксом разоружения. После сокращения вооружения у западной элиты возникла иллюзия, в которой она пребывает до сих пор, что в ядерной войне можно выжить, оборудовав бункер и пр. Страх от возможности нанесения удара девальвировался.

Мы знаем, что гибридная война ведется на разных уровнях, первый из которых (система образования, память о войне, героях, памятники) исторически, фактологически, мировоззренчески постоянно подвергается нападкам. Второй уровень — финансово-экономический (Бреттон-Вудская система, санкции и пр.) — является мощным оружием в гибридной войне. Следующий уровень — военный (миротворческие операции, спецоперации, война против генофонда через алкоголизацию, наркотические вещества и пр.).

Мы должны быть сильными, чтобы оставаться такими и претендовать на суверенитет.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово члену Президиума РАН Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Почему Африка всегда находится на периферии во всех областях наших отношений с другими странами? Потому что она практически отсутствует в информационном пространстве. С 25 января по 2 февраля 2022 года мы провели исследование и выяснили, что доля упоминаний США в наших СМИ на тот момент составляла 14 %, а Африки — менее 0,5 %. И это еще высокий показатель: сейчас он составляет менее 0,01 %.

Эту тему в своем выступлении затронула и Мария Владимировна. Вся Африка южнее Сахары не покрыта российской информацией, соответственно все страны получают сведения о России из западных СМИ, что в том числе формирует общественное мнение в них, хотя на уровне министров и высших руководителей они делают реверансы в сторону России. Кстати, Эритрея — одна из стран, которая не поддержала американо-украинскую резолюцию. А наше ближайшее окружение, Евразийский экономический союз, воздержалось при голосовании, опасаясь санкций. В Эритрее правит диктатор, но в геостратегическом плане эта страна интересна России.

Почему нам следует обратить внимание на Африку как на еще один формирующийся полюс развития? Во-первых, молодое население Африки (до 25 лет) составляет 60 %. Это наше будущее, именно молодежь предъявляет основной спрос на современные товары и услуги. Во-вторых, начиная с 2040 года прирост среднего класса, основного потребителя, будет происходить не в Азии, а в Африке. В-третьих, вопросы безопасности. В связи с созданием нового блока AUKUS (оборонный альянс Австралии, Великобритании и США) возникла огромная территория, в которую вовлечен Африканский континент. Нам следует рассматривать Африку и с точки зрения размещения там новых точек противодействия России. Уже ведутся переговоры с Кенией и ЮАР. Наконец, Африка — это 54 страны, то есть 54 голоса ООН.

Сергей Юрьевич говорил о формировании новой системы мировых расчетов. Африканцы очень заинтересованы в этой системе, включающей национальные валюты и реальные биржевые товары, потому что они, как и Россия, обладают 35 % мировых ресурсов, необходимых для производства высокотехнологичных товаров. Если мы говорим о цифровых валютах, то тут у Африки можно поучиться, потому что первый онлайн-платеж в мире был проведен в Кении, а не на Западе, Руанда отказалась от бумажных денег и пр.

Елена Григорьевна, какова численность женщин в Государственной Думе?

Е. Г. ДРАПЕКО: — 14 %.

И. О. АБРАМОВА: — А в Руанде — 64 %, в ЮАР — 35 %. Они уделяют большое внимание роли женщин.

Нам следует двигаться от противоположного. Все, что происходит сегодня в России и Беларуси, прежде было опробовано на Африке: колониальные технологии, превращение в сырьевой придаток Запада, развязывание «цветных революций» (с вовлечением молодежи, детей, сетевой передачей информации).

Все, что совершается в науке, тоже было отработано в Африке: привязка африканской науки к западной, утечка мозгов, гранты в тех областях, где африканцы достигли определенного уровня (в первую очередь эпидемиология и медицина). Согласно открытым данным, в странах Африки расположено более 45 биологических лабораторий США. Стоит учитывать большое количество инфекционных болезней в Африке и то, как этим фактом можно манипулировать.

Еще одна технология, которая была опробована в Африке, — разрушение национальной идентичности, отказ от национального языка, который формирует мышление. Все африканские страны — либо франкофоны, либо англофоны, либо используют португальский, арабский и испанский языки (речь идет о черной Африке).

Игорь Иванович говорил о технологиях манипулирования общественным сознанием — они тоже опробованы на Африке. Я много лет работала с африканскими мигрантами по линии Совета Европы и видела, как действуют представители этой организации.

Необходимо мыслить стратегически, а мы постоянно немного отстаем. Китай стал великой державой, теперь мы с ним дружим. А в 1990 году, когда в России на Китай никто не обращал внимания, ВВП этой страны (389 млрд долларов) был сопоставим с ВВП Украины (293 млрд).

В связи с Африкой следует говорить не о торговле, а о технологиях. У России есть технологии, которые нужны Африке и которые мы можем отработать на огромном, быстроразвивающемся молодежном рынке. И тогда России и Африканскому континенту успех будет обеспечен.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Ирина Олеговна, я поддерживаю все, что Вы сказали, наверное, как и многие присутствующие. В Советском Союзе считалось, что лучшие друзья Советского Союза — угнетенные народы Африки.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Африканцы хотели бы прислать в Россию делегацию и установить контакты хотя бы на уровне культуры, но ощущается сопротивление со стороны Министерства иностранных дел.

М. В. ЗАХАРОВА: — Направления Азии и Африки будут укрепляться за счет перераспределения кадровых ресурсов в МИД, но это невозможно сделать за один день.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется академику РАН Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — В связи с празднованием юбилея Петра I хочу сказать, что утечку мозгов придумал именно он, пригласив в Россию 17 выдающихся европейских ученых для создания Санкт-Петербургской академии наук и искусств (предшественницы Академии наук). В середине XVIII века количество зарубежных и российских ученых сравнялось. Может быть, нужно взять пример с Петра I: что целесообразно, то и следует делать?

Люди до XX века жили с пониманием того, что они бессмертны. Несмотря на то что велись войны, были эпидемии, катаклизмы, человечество возрождалось и увеличивалось. Первый звонок прозвучал в августе 1945-го, когда на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Спустя несколько десятилетий прозвенел второй звонок — экологический кризис.

Техногенный пресс, давление которого началось в середине XVIII века и продолжается уже 240 лет (а мы сейчас находимся на пике техносферы), нарастает и неизбежно приведет к самоликвидации человечества.

В 2002 году в ЮАР прошел Всемирный саммит ООН по устойчивому развитию, посвященный охране природы планеты, на котором были оговорены комплексные природоохранные программы и предусмотрен переход на безотходные производства замкнутого цикла. Все понимали, что может разразиться экологический кризис, была согласована сумма взносов для решения проблемы выброса парниковых газов в атмосферу. Но США — лидер по мас-

штабам выбросов — заблокировали свое присоединение. И все закончилось, так и не начавшись.

Главное — это здоровье. В странах Африки средняя продолжительность жизни в середине 1990-х составляла 54–55 лет, в Японии приближалась к 80 годам, в России достигла отметки 70 лет. А сегодня в Японии средняя продолжительность жизни равна 85 годам, в США — 80, в Скандинавских странах — 82, в развитых государствах — 82–83, а в России — 72. Кроме того, такой разницы между продолжительностью жизни мужчин и женщин, как в России, нет больше нигде: как правило, она составляет 1–3 года, а в России — 11–12 лет. Мужчины у нас в среднем живут 66–67 лет. Согласно научным данным, между пенсионным возрастом и возрастом дожития должно быть не менее 10–12 лет. Если в среднем люди живут 67 лет, а на пенсию выходят в 65, то это надо как-то объяснить и реагировать на запросы науки.

К сожалению, в России начиная с 2014 года происходит планомерное разрушение Академии наук и превращение ее в общественный клуб. На Западе академии не государственные, а общественные. Члены западных академий не академики, а Doctor of Philosophy либо Professor. В России же начиная с петровских времен в Академию наук входила интеллектуальная элита.

Сейчас нередко высказывается мнение, что Академия наук — это устаревшая форма организации. Я хотел бы привести в качестве примера Китай, который в 1949 году создал свою Академию наук по кальке с Академии наук СССР. Но в КНР имеет место соответствующее финансирование. Там, где все работает системно и науке уделяется достаточно внимания, академическая форма эффективна и вполне себя оправдывает.

Российский Институт иммунологии и физиологии и китайский Институт микробиологии и иммунологии в Харбине в 1990 году подписали договор. В то время наши условия были сопоставимы: 150 сотрудников и два двухэтажных здания. Сейчас в Китае действуют пять 20-этажных институтов и одна научно-исследовательская лаборатория, 1,5 тыс. сотрудников, а у нас как было 150 человек, так и осталось. Кроме того, в Китае функционирует биотехнологический корпус, который заполнен наполовину, так как рабочие места ждут молодых специалистов, которые должны вернуться из Европы и США и развивать направления, связанные с вакцинологией и иммуноглобулинами. Сегодня в Китае популярен лозунг, призывающий вернуться в родную страну всех обучившихся.

Еще одна важная проблема современности — распространение биологических лабораторий. Так, в странах Африки насчитывается 60 таких лабораторий, в Грузии — 8, в Китае — 40 и т. д. Природа создает патогенные штаммы, а в лабораториях их доводят до уровня высшей патогенности.

К 60 годам у человека (не важно, в какой стране он живет — в Японии, Нидерландах, Швеции или России) накапливается букет болезней, но в организме они уравновешивают друг друга, главное, чтобы не было обострений. Мощная вирусная инфекция оказывается стимулятором, запускающим хронические процессы. В итоге одно заболевание провоцирует все хронические.

Здесь уместно сказать о разнящихся в России и на Западе статистических данных о количестве смертей от COVID-19. Допустим, смерть человека наступила от инфаркта миокарда, но после того, как сделали ПЦР-тест, выяснилось, что у него был COVID-19. Однако в качестве причины указывают «инфаркт, осложненный коронавирусом». А нужно наоборот, потому что COVID-19 запустил

инфаркт. Поэтому в России статистика свидетельствует о 370 тыс. умерших, а в Соединенных Штатах Америки — об 1 млн. Однако когда в России проанализировали данные за два года, то произошло увеличение смертности на 985 тыс. Цифры не обманешь.

Необходим полицентричный мир, но и в моноцентричном есть определенные плюсы. Главное — решить проблемы во всех важных областях, в том числе в сфере воспитания.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Если Академия наук не в состоянии самостоятельно решить проблемы, то не на кого пенять. Неужели большое число уважаемых людей не могут организовать, чтобы доказать свою правоту и право на существование Академии? То, что произошло с Академией наук, — неправильно.

Слово предоставляется члену Совета по внешней и оборонной политике Сергею Алексеевичу Цыпляеву.

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — Помнится, на одном из форумов цикла «Петербургский диалог» генерал Л. Г. Ивашов сказал, что будет создан мощный антиамериканский военный блок, в который войдут Россия, Индия и Китай. На ехидный вопрос экспертов, кто возглавит этот блок, он с улыбкой ответил: «Конечно, Россия».

Сейчас я бы не возлагал на Китай больших надежд. При этом китайцы согласны дружить с Россией — почему бы и нет? Говорят: у вас такая большая территория, так много полезных ископаемых. Вот их отношение, с которым мы должны считаться.

Мы по привычке не воспринимаем Китай как отдельный центр силы, и многополярность наша дальше двух полюсов, похоже, не простирается. Однажды на заседании Совета по внешней и оборонной политике России Сергей Лавров произнес довольно длинную и проникновенную речь о необходимости равноправия всех государств в мире. Я задал вопрос: «Как же тогда мы смотрим на право вето в Совете Безопасности ООН? Это особое положение пяти стран, а отнюдь не равноправие». Он сказал, что все правильно, так и должно быть. Это тоже свидетельствует о том, что мы не предполагаем больше никаких полюсов, более того — отказываем даже ЕС в том, чтобы быть полюсом, считая, что он идет в фарватере Америки. Думаю, что мы не готовы пересматривать свое отношение к многополярности.

Китай не заинтересован в России как в индустриальном конкуренте. Он абсолютно прагматичен в своих действиях. Россия же фактически начала заниматься реиндустриализацией.

Вспомним, как проходила индустриализация в Советском Союзе. Сталинградский тракторный завод был разрезан в Америке, привезен сюда и построен, Магнитогорский металлургический — копия завода в городе Гэри, штат Индиана, и т. д. ДнепрОГЭС проектировали американцы, они же построили 15 из 16 турбин, генераторы изготовили немцы, Уралмаш был полностью оснащен западным оборудованием. Это не повод посыпать голову пеплом — понятно, что тогда было принято единственно правильное решение. Сегодня тоже, если взяться за импортозамещение всего и вся, страна может оказаться в крайне тяжелом положении.

Невозможно заместить высокотехнологичный импорт одним махом. Например, в Афганистане нужен был прибор ночного видения, а сделать его никак не получалось, несмотря на все усилия инженеров и героев социалистического труда.

Несколько комментариев к общей дискуссии по идеологии. Меня очень беспокоит появление «новой религии», адепты которой говорят, что все в этом мире организовали и сделали американцы, потому что они всемогущи. Я называю их сектой американопоклонников. Такие речи внушают нам беспомощность, которая подавляет нашу инициативу, способности, интеллект и т. д. Ничуть не лучше рассказы о том, как отвратителен Запад. Мы, мол, предлагаем прекрасные решения, но они все отвергают. Это не что иное, как выученная беспомощность.

Я не могу согласиться, что Индия и Китай вскоре станут мировыми лидерами по объему ВВП, потому что технологии по-прежнему генерируются на Западе. Единственная страна, которая экспортирует технологии, — Соединенные Штаты. Не стоит рассчитывать, что Индия и Китай, просто заваливая мир дешевыми товарами, добьются мирового лидерства и их пример будет нас вдохновлять.

В завершение хочу вновь обратиться к сегодняшнему юбилею. Известно, что Петр I приглашал в Россию европейских ученых, заимствовал технологии, отправлял дворянских детей учиться в Европу, да и сам туда ездил с той же целью. Такое ощущение, что мы хотим опровергнуть правоту и Петра Великого, и Сталина и совершить чудо — прорыв в условиях изоляции. Боюсь, это будет стоить огромных и неоправданных затрат, и Китай не поможет.

Что же касается многополярного мира, то у нас есть отличная иллюстрация нашей готовности к нему. В Петербурге работает Межпарламентская ассамблея стран СНГ, в правилах которой записано, что ее председатель регулярно переизбирается с обязательной ротацией. Так вот, с 1994 года «ротация» происходит таким образом, что председателем всегда является представитель Российской Федерации. Поэтому давайте не строить иллюзий. Если мы действительно ратуем за многополярный мир, нам придется очень многое изменить в своей жизни и сознании.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Мы никогда не говорили, что собираемся развивать многополярность в рамках СНГ, иначе наступило бы сумасшествие. Кстати, именно многополярность в СНГ пытались предложить те, кто в свое время организовал Союз ГУАМ наряду с СНГ и до сих пор пытается создать из Украины такой субъект, который сможет противостоять России. Это и была попытка создать многополярность в СНГ. Так что фактическое председательство России в Межпарламентской ассамблее СНГ вполне логично.

Что касается сталинской индустриализации, я не стану с этим спорить, единственное мое возражение заключается в том, что тогда мы опоздали. Когда наступил 1941 год, было уже поздно развивать кооперационные связи с Германией, хотя немецкое промышленное оборудование сильно помогло бы нашей промышленности. Помоему, 1941 год в отношениях с Германией — примерно то же, что 2022-й в отношениях с Соединенными Штатами. Было бы странно сейчас приглашать американских специалистов, хотя они могли бы быть очень полезны.

Будучи депутатом Государственной Думы, могу сказать о тех действиях, которые в создавшейся ситуации правительство считает нужным предпринять в первую очередь. Парламент, как и президент, вполне доверяет правительству в этом отношении. В первом пакете мер, например, предлагается скорректировать пошлины. В частности, покупка автомобиля иностранной марки облагалась налогом на роскошь в том случае, если ее стоимость превышала 3 млн рублей. Теперь предлагается повысить лимит до 10 млн. Эта мера принимается в рамках структурной трансформации экономики в условиях специ-

альной военной операции. Однако в военно-промышленном секторе у нас, к сожалению, по-прежнему доминируют финансисты. Ваше предприятие хочет получить заказ на выпуск ракет и самолетов? Тогда берите кредиты под залог своей собственности. Это типичный менеджерский подход, а не мобилизация экономики, которая сегодня так необходима.

В заключение — о хорошем. Подводные лодки производятся в Санкт-Петербурге — проектируются в КБ «Маллахит» и изготавливаются концерном «Гранит». Я немного знаю технологический процесс и уверяю, что никакого американского оборудования на этих предприятиях нет.

Е. Г. ДРАПЕКО: — В Петербурге все предприятия оборонного сектора работают с отрицательной прибылью.

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — Экономика не исчерпывается военной сферой. Надо создавать и развивать гражданские отрасли для мирной жизни, и здесь нас подстерегают большие сложности.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Согласен. Готов повторить свой тезис: мы снова опаздываем. Многого надо было сделать раньше, но теперь это уже невозможно. Сейчас мы находимся в особой ситуации, и теперь надо делать другое.

Приглашаю выступить профессора Владимира Александровича Шамахова.

В. А. ШАМАХОВ: — У меня всего лишь несколько реплик. Во-первых, новый миропорядок многополюсный и другим быть не может. В настоящее время мы выбираем, с кем будем сотрудничать больше, с кем меньше. В любом случае в отношениях с США, Китаем, Индией и другими странами нам необходима стратегия, а стратегии не может быть без идеологии. И в США, и в Китае идеология есть, причем очень мощная, последовательная и системная.

Во-вторых, отмечу, что в России к идеологии часто относятся как к вере или мечте. На самом деле идеология — это в первую очередь целеполагание. Если мы не определимся с этим с самого начала, то будет сложно двигаться дальше, и мы так и будем шараться из стороны в сторону. Это важно особенно сейчас, когда международное право практически развалилось.

В-третьих, снова о полюсах. Мы говорим об экономических, политических и тому подобных полюсах. Предлагаю вернуться к традиционному пониманию полюса как физического феномена. Через Арктику можно осуществить глобальный прорыв, в том числе и экономический.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Член-корреспондент РАН Леонид Леонидович Фитуни, Вам слово.

Л. Л. ФИТУНИ: — Коллега Шамахов упомянул об идеологии как целеполагании. Принято считать, что идеология — это система концептуально оформленных идей, выражающих интересы, мировоззрения и идеалы некоего сообщества — государства, социального класса и т. п. Идеология, приемлемая для всего мира, должна включать идеи, воспринимаемые всем миром как позитивные.

Есть довольно красивая концепция многополярности, которую еще в 1990-х годах развивал замечательный российский государственный деятель Е. М. Примаков. По его прогнозу, многополярная система будет базироваться на трех столпах — России, Индии, Китае. Но действительно ли это будут только три страны? Или, может, больше — плюс, например, те же Соединенные Штаты или

какое-то другое государство — Турция, Иран? Готовы ли мы к большему числу полюсов силы? Мне кажется, такая многополярность нам не очень понравится. Она окажется для нас хуже биполярности или даже монополярности, потому что придется тратить много сил и ресурсов на противостояние давлению. Так что будущий многополярный мир требует внимательного изучения и научно обоснованных, тщательно выверенных прогнозов. В этом смысле я готов поддержать тезис Марии Владимировны о Китае. Она сделала акцент на внешнеполитическом и отчасти информационном параметре этого вопроса. Анатолий Чубайс в 1990-е годы на предложение определенных мер в сфере экономики, как правило, возражал: «Вы что, хотите, чтобы у нас было как в Китае?» К концу 1990-х доминировала уже другая точка зрения: Китай так быстро растет, но у нас другой путь. В 2000-е годы мнение снова изменилось: почему бы и не как в Китае, если у них такие впечатляющие успехи?

Что касается китайской истории и ментальности, то здесь следует помнить одну важную деталь. В большинстве случаев у китайцев совершенно нет тех концепций, которые мы выдаем за их видение. Мне пришлось столкнуться с этим на собственном опыте, когда в Президиум РАН приехала китайская делегация. Президент Академии сказал о том, что нам известно китайское проклятье: чтоб вам жить в эпоху перемен. Китайская переводчица долго не могла это перевести, переспрашивала несколько раз. Через несколько минут выяснилось, что такой поговорки у них нет.

И последнее. Вопрос о нашей внешней политике и многополярности. Для нас идея «русского мира» кажется естественной и очевидной. Однако даже среди африканцев, которые большей частью поддерживают нас, эта идея не вполне однозначна. Поэтому для взаимодействия с этими странами я предлагаю другую идею — идею освобождения. Концепция может быть следующей. В 1990-е годы Россия, так же как раньше страны Африки, была по сути колонизирована — с поправкой на XXI век. Формально независимое государство, а в реальности — угнетенная и подвергающаяся грабежу периферия, из которой Запад выкачивает ресурсы, в том числе интеллектуальные. Основная мысль: мы с вами, мы готовы взять на себя лидерство в том мире, который освободится от эксплуатации со стороны развитых стран. Этот посыл будет понятен. Я не говорю, что надо забыть о «русском мире», но искать союзников и надеяться на поддержку можно только тогда, когда вы говорите об общих интересах, в которые оформляются общие идеалы.

Л. Л. ФИТУНИ: — Давайте не забывать, что СССР и Китай разошлись в 1950-е годы именно из-за идеологии. Китайцы говорили: «Не надо отказываться от того, чего вы достигли за 40 лет советской власти и чему мы у вас научились». Но мы ответили, что будем начинать заново. Сейчас пришло время вспомнить этот урок.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Я согласен, что это была одна из причин, но не единственная. А главная заключалась в том, что Китай вставал на ноги и больше не желал подчиняться руководству из Москвы.

М. В. ЗАХАРОВА: — Отказ от взаимодействия с коммунистически ориентированным Китаем носил стратегический характер. Действительно, это были в первую очередь идеологические расхождения — на фоне того, что протяженная граница между странами никуда не исчезла

и экономические связи были довольно крепкими. Мы все время говорили о том, что Китай не хочет, чтобы мы были сильными. Но никто в мире, даже самая маленькая страна, не хочет, чтобы кто-то их опережал.

Относительно того, что право вето является ярким признаком неравноправия, — категорически не согласна! Не надо путать неравноправие с распределением функциональных обязанностей. Если кто-то ведет транспортное средство, а вы пассажир — это не означает неравноправия. Просто у вас разные функции в данный момент. Ни одна маленькая страна даже физически не может себе позволить заниматься мировой повесткой в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Решение общемировых проблем требует колоссального потенциала. Поэтому распределение функций — это, напротив, признак соблюдения баланса сил, чтобы у стран была возможность на реализацию равноправия.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Предлагаю высказаться коллеге из Беларуси Виталию Николаевичу Пунченко.

В. Н. ПУНЧЕНКО: — Изложу несколько тезисов в контексте сегодняшней повестки.

Первое. Мы пытаемся облечь в смысловую конструкцию наши действия, по сути, находясь в атаке. Но более успешной представляется формула, когда вначале создается смысловая основа для действий, а затем следуют сами действия. На наш взгляд, по ту сторону нашей цивилизации поняли, что вначале необходимо установить точку единения (это ярая русофобия), а затем можно перейти к действиям — санкциям, поставкам оружия, инфофейкам. Между тем российское общество, на наш взгляд, еще не изменило в корне модели поведения. Действительно, слаженности и мобилизации пока не наблюдается.

Второе. Запад мобилизован на основе приставки «анти-», то есть против общего врага. Это, конечно, сильная основа, но только в краткосрочном периоде. Идеология созидания всегда долгосрочна и требует приложения значительных усилий для того, чтобы в нее поверили, иначе она не сработает. Так, Украина, увлекшись в свое время русофобией, потеряла возможность стать центром православия, центром восточного славянства. Но и нам сегодня очень важно не остаться на этом уровне «Запад враг — и точка». Та идеология, которую мы сегодня видим, еще не артикулирована, но очевидно, что это восстановление исторической справедливости ради извечной миссии — сохранить человеческую цивилизацию, базирующуюся на христианской, а именно православной, концепции. Либо необходимо срочно предложить новую идеологию, а это, как показывает опыт Беларуси, невозможно.

Если не рассматривать силовые меры, то каким представляется рецепт преодоления раскола общества? Мы поступили следующим образом. 2021 год был объявлен Годом народного единства, тем самым дан сигнал обществу о том, что необходимо примиряться и сплачиваться вокруг власти. В том же году учрежден День народного единства 17 сентября. Общество было вовлечено в широчайший диалог по поводу новой конституции, которая была затем принята на республиканском референдуме. Сейчас стоит задача вовлечь общество в новые проекты — рассмотрение концепции национальной безопасности и выстраивание конструктивных, прогосударственных институтов гражданского общества, проведение всебелорусского народного собрания.

К сожалению, мы мало говорим на понятные, близкие каждому темы, например о ценности мира. А ведь такая

риторика могла бы стать мощным стимулом для того, чтобы общество объединилось в поддержку государства. Это фактически образ будущего, к которому мы придем в результате очищения.

Хотелось бы напомнить, что Запад предъявляет ультиматумы не только России, но и Беларуси как ее верному союзнику. В этой связи удивляет неуверенность в союзнической позиции Беларуси, которую многие выражают. Я очень благодарен Алексею Анатольевичу за то, что в числе мультипликаторов региональной политики России первым было названо наше союзное государство. Действительно, Союзное государство России и Беларуси должно стать эталоном для масштабирования дальнейших проектов, и мы к этому готовы.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется журналисту Дмитрию Олеговичу Бабичу.

Д. О. БАБИЧ: — Коллеги привели известное изречение, что у России два союзника — армия и флот. Но давайте вспомним, кто погубил императорскую Россию в феврале 1917 года. Революционные матросики Балтийского флота! Даже председатель Государственной думы Михаил Родзянко (мы знаем, какую роль он сыграл в этой революции) сказал, что лучше этот флот утопить, чем иметь такого «союзника».

Думаю, все согласится, что без союзников в современной международной политике никак нельзя. Мы должны подумать о том, кто может быть нашими союзниками и почему наши противники являются таковыми. И тут я попытаюсь возразить Сергею Алексеевичу. Мы должны исходить из того, что против нас не выступают народы — против нас направлена идеология. Как только мы говорим, что ангlosаксы или поляки против нас, — сразу проигрываем, потому что победить народ нельзя. В отличие от идеологии.

Вспомним последние годы Советского Союза и риторику Запада того периода. «Мы не против советского народа, — говорили они. — Мы обожаем русский народ, украинский, казахский. Но у вас плохая идеология». И советские люди, уставшие от очередей и прочих неудобств позднего социализма, отозвались: «Так она и нам не нравилась, давайте поживем вообще без всякой идеологии».

Я вижу по меньшей мере три идеологических массива, которые были сформированы самой российской историей. Во-первых, у нас есть советские патриоты. Во-вторых, патриоты, скажем так, страны вообще, часть которых решительно не приемлет советский период. В-третьих, у нас есть проевропейские либералы. Сколько бы мы ни говорили о сотрудничестве с Китаем и странами Африки, Россия остается европейской страной. В течение 70 лет наши контакты с остальной Европой и западным миром вообще были сведены к минимуму. Эти рамки для многих стали травматическим фактором, который надо каким-то образом смягчить. Но, к сожалению, сейчас такие ограничения вновь стали неизбежны.

Обратимся к не очень давней истории. В начале XX века сформировались три постхристианские идеологии: социализм, национализм, либерализм. У каждой были огромные массы приверженцев.

Но все три идеологии по мере распространения были упрощены и выродились в бастардный вариант для миллиардов людей. Европейский национализм XIX века трансформировался в чудовищный Третий рейх, упрощенный вариант очень неплохих социалистических идей конца XIX века был воплощен в раннем Советском Союзе.

зе, маоистском Китае, Северной Корее и т. п. Сейчас мы дожили до примитивизированного варианта либерализма. Вы правильно сказали, Мария Владимировна, — тоталитарного либерализма. Кто-то говорит «неолиберализм», но, по-моему, этот термин не отражает сути явления.

Почему нам надо найти слово для обозначения того явления, в которое превратился либерализм, почему оно опасно и почему для нас невозможно примирение с этой идеологией? Во-первых, она основана на тотальном отрицании «неудобной» истории: в раннем СССР от отечественной истории остались восстания Емельяна Пугачева и Степана Разина, декабристы, народники, большевики. У американцев это сейчас борьба против расизма в 1960-е годы, феминистское движение, борьба за права гомосексуалистов. Мы видим, как там сносят памятники, — так же как у нас в 1918 году.

Во-вторых, обязательно находится прежде угнетенный класс, именем которого можно ограничивать права живущих сегодня людей. К тому моменту, когда большевики пришли к власти, крепостного права в России не существовало уже 56 лет, но из их речей можно было сделать вывод, что оно исчезло буквально накануне. Они говорили о защите пролетариата, численность которого не превышала 8 % населения. То же самое мы видим сейчас в США. Чернокожее население было уравниено в правах со всеми остальными 50 лет назад, но борьба с расизмом продолжается. Если посмотреть, что творится в сфере искусства, то создается впечатление, что эти люди еще вчера были рабами.

В-третьих, амбиции мирового масштаба характерны и для тоталитарного социализма, и для тоталитарного национализма, и для современных ультралибералов. Они обязательно претендуют на мировое господство, преподнося его как счастье для всего мира.

Кстати, стремление осчастливить всех — отличное оправдание для репрессий. Что нам мешает достигнуть всеобщего счастья? Кулаки? Дети священников? От них надо избавиться — никто и не вспомнит. И действительно, в 1960-е годы казалось, что об этом все прочно забыли. Однако потом все же вспомнили, с известными последствиями.

То же самое мы видим сегодня. Население Донбасса — кто это вообще? Барьер на пути к развитию и счастью! Убрать это население — и все. Поэтому мы говорим об украинском нацизме и о денацификации. Но давайте посмотрим правде в глаза: идеология, которая сейчас господствует в США и Евросоюзе, — это, конечно, не нацизм. Это тоталитаризм, но в новой (третьей) форме. И в итоге он смыкается с нацизмом, потому что речь снова идет о мировом господстве. Тоталитаризм всегда сопровождается враждой с крупными государствами. Советский Союз враждовал с США, а до этого — с Британской империей, а теперь Запад собирается драться с Россией и с Китаем. Но такое положение дел — мощная основа для нашего союзничества.

В большом государстве не может быть однородной среды. У него непременно есть испуганные соседи, как у сегодняшнего Китая, или национальные меньшинства, как в Советском Союзе. Так вот, оказалось, что ультралибералы в борьбе с крупными странами готовы в этих меньшинствах или у соседей поддерживать отъявленных националистов — нынешних украинских нацистов, хорватских фашистов против сербов, уйгур против китайцев. Они используют этих радикалов, но сами такими не становятся. Наглядный пример — близкая мне

Польша. Я давно слежу за жизнью этой страны и знаю, что братья Качиньские всегда были националистами и не меняли своей идеологии с 1980-х годов. Но не так давно, лет пять тому назад, на них вдруг стали накладывать санкции. Почему? Потому что США и Евросоюзу показалось, что линия борьбы с Россией уже не располагается на границе Польши, а переместилась в Донбасс. То есть Качиньские оказались в тылу. Однако сейчас давление на них уже не такое сильное, потому что они опять оказались на границе.

Проблема этого нового, третьего тоталитаризма (пусть это будет тоталитарный либерализм, хотя лучше бы найти термин покороче) заключается в том, что у этой машины нет заднего хода. Если направление движения настоящего демократического общества предсказать трудно, то траектория тоталитарного режима всегда одна и та же — только вперед.

К. Ф. ЗАГУЛИН: — Уважаемые коллеги, мы опять говорим о том, какая идеология нам нужна и нужна ли она вообще. Я очень осторожно подхожу к данной проблеме, поскольку помню о том, чем заканчиваются погуги создать новую искусственную идеологию, чтобы только противопоставить ее прежней. Уверен, что соответствующая статья Конституции давно устарела, но это не значит, что на ее месте должна появиться другая — о том, что идеология у нас есть или должна быть. Идеологию, на мой взгляд, должны иметь политические партии, движения и другие сообщества, которые в ходе выборов могут получить поддержку населения и потом реализовать свои идеи.

Однако нам требуются общие ориентиры, выработка какого-то понимания. Об этом мы тоже говорили. Например, госпожа Харитоновна обозначила наши приоритеты. Конечно, Россия должна быть самодостаточной страной, чего нам на разных этапах истории иногда не хватало. Мы все время беспокоимся о том, что по нашему поводу думают другие, и очень часто это нам вредит. Вся история перестройки была отмечена этим: одобряют ли нас, аплодируют ли нашим шагам по сохранению мира и развалу Советского Союза одновременно? Сейчас мы начинаем от этого избавляться.

У нас очень много проблем, которые требуют срочного решения. Главная проблема заключается в том, что 24 февраля этого года мы прищипорили коня, не решив до конца многие из более мелких, но важных задач, которые должны были быть решены в этом случае. И теперь приходится это делать «на марше» — другого выбора мы не имеем.

Напомню, что Россия никогда не проигрывала отечественных войн. Другие войны — да, случилось (Русско-Японская, Крымская), но отечественные войны всегда завершались победой. Цена за такие победы всегда очень высока, но она понятна людям, потому что в подобных войнах решается вопрос о выживании страны, государства, каждого из нас — тех, кто не готов стоять на коленях.

Надеюсь, что мы быстро переведем экономику на новые рельсы и мобилизуем все остальные ресурсы. Я против того, чтобы внутри страны мы занимались поиском врагов народа. Даже если таковые и есть — давайте помнить о печальном опыте XX века. Лучше оставить их в покое и перестать волноваться по этому поводу. Те же, кто уехал, — пусть перебесятся там, главное, чтобы они не мешали нам здесь.

Благодарю всех участников за интересную дискуссию и надеюсь, что мы и впредь будем встречаться на Лихачевских чтениях и на других площадках.